

Особые отношения с землей

Михаил Барышников не зря становился на колени перед Жаном Бабиле

Майя Крылова

«Почему вы так любите ездить на мотоцикле?» – «А почему вы любите шоколад?» – так ответил Жан Бабиле на мой вопрос о пристрастии к «Ямахе», на которой он уже полвека со свистом гоняет по дорогам Франции. Чудом спасшийся в войну от газовой камеры еврей Гутман (Бабиле – сценический псевдоним) умеет ценить радости жизни. В свои 82 года знаменитый танцовщик по-прежнему поражает витальной силой, и, глядя на него, мечтаешь, чтобы твоя старость была такой же – не потерявшей интереса к впечатлениям мира и напрочь отвергающей поползновения организма на слабость.

Приезд Бабиле в Москву и показ фильма Патрика Бансара «Загадка Бабиле», организованный Французским культурным центром, – события далеко неординарные, хотя имя артиста у нас мало известно. Некоторые называют Бабиле танцовщиком одной роли, потому что он был первым исполнителем легендарного балета Ролана Пети «Юноша и смерть». Автор идеи спектакля, Жан Кокто, захотел возвысить жесты обывательской жизни до танца: герой, чьи поступки определяла «пограничная ситуация», впервые в истории балета курил на сцене и носил на руке часы, нервно поглядывая на них.

Знаковая постановка, отметившая приход экзистенциализма в европейскую мысль, прославила Бабиле так, что его плодотворная карьера как бы заслонилась ролью нищего художника, спутавшего любовь со смертью и повесившегося в парижской мансарде. На самом деле и фильм Бансара это убедительно доказывает – Бабиле прожил такую творческую жизнь, которой хватило бы на несколько танцовщиков калибром поменьше. Ученик не только отличных педагогов балета

Независимая. – 2005. – 3 февр. – с. 7

Вечная молодость Жана Бабиле.

Фото предоставлено Французским культурным центром

Парижской оперы, но и русских эмигрантов Волинина, Князева и Гзовского, Бабиле научился главному – так применять безупречную от природы телесную координацию, чтобы и сам исполнитель, и зрители получали удовольствие от тонкости стиля. Фильм запечатлел его безупречные антраша (одно за другим – высший пилотаж профес-

сионализма), его вращение «штопором» – технические безупречности, которые самого Бабиле скорее забавляли. Он интересовался другим – все время слушал «реакцию собственных мускулов» и стремился к «бесконечности в деталях». Его титул «первого современного классического танцовщика», чей танец отражает реалии сво-

его времени, – лишь констатация очевидного. А естественное сочетание чувства юмора, страсти и аскезы привело этого друга Висконти и Пикассо к «великолепной целостности между телом и взглядом» (так о Жане говорит его молодая жена Запо, выставка которой – «Бабиле в фотографиях» – сопровождала показ фильма в театре «Школа драматического искусства»).

О Бабиле говорили, что у него «особые отношения с землей»: когда он просто шел по ступенькам, у наблюдателя было впечатление, что это «поток, который течет», а его прыжки напоминали «кошку, брошенную в воздух» – Жан взмывал вверх с той же легкостью, с какой бесшумно и красиво приземлялся. Молодых исполнителей он наставлял: «Тело должно двигаться так, словно позвонки в позвоночнике независимы друг от друга. Так бабочка выскальзывает из кокона». Кадры, в которых старый танцовщик учит балетную барышню приземляться не на ступню, а на подушечку с прыжка под названием жете, производят неизгладимое впечатление: вроде бы перед нами обыкновенный урок балетной техники, а по сути – символ балетного полета и суть необъяснимой словами магии классического танца, заставляющей радоваться при виде совершенства.

Когда Михаил Барышников увидел, как маленького росточка француз исполняет балет Мориса Бежара «Life», то пришел к Бабиле в гримерку и встал перед ним на колени: «Я никогда не видел, чтобы так танцевали». Барышников, конечно, лукавил: ведь он часто видел себя в зеркале или на видео. Но восторг одного гения танца перед творчеством другого вызывает к смыслу профессии, по-французски ясно сформулированному Бабиле: «Тело потрясаясь отвечает, если ты валяешь его в течение многих лет».